

Валерий Гаврилин

ИСКУССТВО СВЕТЛЫХ ЧУВСТВ

Московскому камерному хору, которым руководит народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР профессор Владимир Минин, исполняется пятнадцать лет. Много это или мало? Вообще говоря, это трудный возраст. Но для союза самолюбивых тружеников, союза певцов-артистов, бесконечно влюбленных в свое дело, пятнадцать лет — это пора зрелости. Московский камерный хор живет как единый организм, развивается как цельная многоголосая личность. Его ждут всюду. И хор топчется в дороге. Куда зовут, куда ведут эти дороги? И почему так привлекает для людей то, что на них совершается? Об этом и размышляет композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН.

— Московский камерный хор называют еще и «мининским». Минин — удивительный музыкант. Он не только блистательный хормейстер, владеющий тайной человеческого голоса, виртуозный дирижер, умеющий добиваться совершенного ансамбля, но, и это главное, — подлинный художник, мыслящий проблемно, крупно и в то же время основательно, ощущающий соразмерность пропорций злободневного и непреходящего в самых сложных хоровых партитурах как классической, так и современной музыки. Есть исполнители — и у нас, и за рубежом, — чья работа отличается большой тонкостью, сложностью, ясностью решений. Но она не благоухает, в ней нет аромата, как будто выполнена она из листового стекла. Это следствие художественной безродности, беспородности. В Минине все наоборот. Чувство Родины развито в нем необычайно сильно. Это настоящий русский человек с самыми лучшими свойствами, присущими национальной художественной интеллигенции, в числе которых на одном из важных мест стоит чувство уважения ко всей мировой культуре во всех ее проявлениях.

Минин никогда не вступает в конфликт с природой музыкального произведения, где бы оно ни было создано. Подобно тому как растение, чтобы оно не погибло, берет с кусочком материнской земли, так и Минин берет произведение, не страхиая с него почву напитавшей его культуры и традиций, и «персажи-

вает» его на русскую почву, под благодатные дожди хоровой традиции, русской хоровой школы. И тогда музыка Вивальди, Моцарта, Россини становится не только явлением нашей жизни, но и само это явление, в силу своей неповторимости, становится важной движущей силой в мировом искусстве.

В. Минин болезненно ощущает всякую фальшь в деле. Во время долгих, мучительных репетиций, когда с трудом найденное отбрасывается как неверное, когда отыскивается, наконец, верное и оно опять оказывается неправильным, и все начинается сначала, когда из внимания ни на секунду не уходит ни один звук, ни слог, ни слово, ни фраза целиком, ни выражение лица, глаз, ни поза, когда месяцами нащупывается темп каждой вещи и вновь меняется в связи с темпом других вещей, — тогда Минин добивается, чтобы исполняемая музыка вошла в плоть и кровь артистов, по-настоящему стала их верой, надеждой, любовью, а не была бы концертной маской, изображающей эти святые чувства.

Сущность искусства — в правдивости. Если публика почувствует лицемерие артиста — артист погиб. За пятнадцать лет жизни хор с Мининым во главе ни разу не сбился с пути и, преодолевая скалы трудностей, отменил соблазнов, строго шел и идет по фарватеру, делом отстаивая разумное, доброе, вечное и в самом трудном, и в самом легком не обманывая и не отталкивая слушателей, а напротив, заражая их высокими, благородными чувствами, выстраданными и вживленными в свой организм через упорную художественную, нравственную и техническую работу. Нарботанное таким образом искусство — неотразимо, действует равно и на высокообразованного слушателя, и на случайного невежду, потому что обращено оно к человеческому сердцу прежде всего и вопреки всему.

Культуре во все времена было отчего обороняться и что защищать. Нынешнее время в этом смысле не оригинально. Псевдокультура с вы-

сокой степенью логичности объясняет свое право на существование, сознательно, умело, ловко, как за боевой щит, прячется за бескультурье, за не ведающее сомнений полужнание, свято верящее, что света только и есть, что у него в окошке. Музыка оказалась на острие схватки. Это неудивительно. С древнейших времен музыка считалась делом государственным. Конфуций писал: «Покажите мне, какую музыку поет народ, и я скажу, как народ управляется и какова его нравственность». Платон: «Нельзя изменить форму музыки, не внося расстройств в нравственность». С развитием техники дело осложнилось, техника проникла в музыку, техника еще более изощренная, чем та, о которой Лев Толстой писал Третьякову: «С развитием техники (доступной многим) людей с содержанием становится все меньше. Техники довольствуются малоразвитые люди».

Наиболее тревожно сегодня с так называемой массовой музыкой, развлекательной. Очень немного в ней талантливого — это закономерно и нормально, талантливого всегда мало. Зато право на жизнь сверх всякой меры неожиданно получили сочинения и соответственно исполнители, насквозь пропитанные эклектическим духом, задействованные на уровне инстинктов. Все это объясняется необходимостью «расслабиться» и «побалдеть». И это тогда, когда во имя сохранения жизни на Земле человечеству больше всего необходимо ясное сознание при условии глобальной нравственности и интеллекта! Какой же бойцовой силой должно обладать искусство чистых чувств и добрых мыслей, чтобы не только выстоять, но и перекрестить в свою веру тех, кто ищет спасения в трясине дурмана, пусть даже и звукового.

У мининцев эта сила есть. За ними — все богатство мировой музыки, которое известно им не понаслышке, а стало частью их собственного матерства. Много опробовано ими на вкус, на вес, на живучесть. Музыка проходила испытания и они прохо-

дили труднейшее испытание музыкой. Мир, прошитый лучами человеческих голосов, обретал осязаемую цельность. Человеческий голос — основа хорового искусства, самый трепетный и нежный, самый властный и всеильный инструмент. Когда сливаются вместе много голосов — сливаются не только звуковые волны — сливаются души, помыслы.

Будучи искусством по природе своей братским, хоровое пение пробуждает в людях чувство братства и не дает ему увянуть. Московский камерный в исключительной степени обладает этим умением. Искусство его так заразительно, что каждому слушателю думается — поет его собственная душа. Так рождается еще одна гармония — гармония артистов и слушателей. В этом смысле сила воздействия камерного хора совершенно уникальна, а сам Минин может быть сопоставлен лишь с Е. А. Мравинским — и по возвышающей слушателя власти, и по способности ответить на болезненную, жгучую потребность дня, не отрываясь от постоянного и вечного. Как и Мравинский, Минин именно не реставрирует, не омолаживает, не осовременивает произведение, как это нередко бывает в исполнительской среде, а словно помогает ему встать в наше время, закрепиться в нем, зацвести и заблагоухать.

Нравственная сила против нравственной неполноценности, сдержанность против распушенности, целомудрие против похабщины, ясность чувства и мысли против звукового «балдения», братство против эгоистического самоутверждения, собранность и стройность против расслабленности, опора на сильнейшие стороны человеческой природы вопреки всем, кто идет к славе, опираясь на стороны слабейшие, — такова суть деятельности Московского камерного хора и его руководителя, таково их кредо, таков смысл их творчества. Значение этого коллектива давно вышло за рамки чисто музыкальной жизни и стало крупным явлением нравственной, духовной жизни нашего общества.